

Коронавирусная пандемия как просчет в биополитике

Екатерина Куминова, «Ремедиум»

Любая прорывная технология может стать спасением в одних руках и обернуться катастрофой в других. Особенно если она имеет огромный прикладной потенциал как молекулярная генетика. Ее стремительное развитие открывает перед человечеством не только качественно новый уровень решения его проблем, но и приносит новые, неизведанные угрозы. Широкому спектру этих угроз – от ионизирующего облучения до бактериологического оружия и ГМО-людей – был посвящен Международный симпозиум «Правовые проблемы обеспечения биологической безопасности в Российской Федерации», проведенный Московским государственным юридическим университетом им. О.Е. Кутафина и Российской медицинской академией непрерывного профессионального образования 22 мая в онлайн-формате.

«Пандемия коронавирусной инфекции перевернула в наших головах практически все, – отметил в своем вступительном слове ректор Российской медицинской академии непрерывного профессионального образования **Дмитрий Сычев**. – Если раньше нам, клиническим фармакологам, как адептам доказательной медицины, было понятно, что основа лечения – это клинические рекомендации, гайдлайны, основанные на доказательной медицине, то в случае с неизвестной болезнью они не очень работают. Возник новый жанр – «Временные методические рекомендации», которые в основном опираются на экспертные мнения – по градации уровня доказательности это самый низший уровень. Они основаны на небольших наблюдениях, небольших нерандомизированных, иногда неконтролируемых и тем более неослепленных исследованиях. Произошла трансформация от доказательной медицины к медицине надежд».

Доцент кафедры медицинского права Университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА) **Алексей Пекшев** обозначил наиболее острые проблемы организации и правового обоснования санитарно-эпидемиологических мероприятий, обусловленных пандемией коронавирусной инфекции.

Он подчеркнул, что режим повышенной готовности накладывает обязательства на органы власти, а не на граждан, поскольку входит вразрез со ст. 53 Конституции

РФ, которая запрещает ограничивать свободу передвижения граждан. В этом – слабость проводимых властями мер. «Распоряжения о самоизоляции – это призыв вести себя определенным образом, но если гражданин не соглашается с предложенной моделью, то никто не может остановить его поездку в другой регион, – отметил эксперт. – Органы власти не хотят вводить специальные правовые режимы, такие как режим ЧС (ФЗ-68) и чрезвычайное положение (З-ФКЗ). Режим ЧС введен только в одном поселке в Забайкалье на границе с Китаем. Вместо слова «карантин» употребляется слово «самоизоляция». Карантин четко увязывается с эпидемическим порогом не менее 1%, как правило, 5%, но, согласно официальной статистике, этот порог превышен только в Москве, в других регионах он порядка 0,2%. То есть формальных оснований для спецрежимов нет, но де-факто от населения требуют соблюдения карантинных мер, что абсолютно правильно, так как мы имеем дело с высококонтагиозной неизвестной инфекцией. Но правовая полифония и множество центров принятия решений – недопустимы».

Докладчик предложил инициировать поправки в проект федерального закона «О биологической безопасности РФ», которые вводили бы режим ЧС автоматически там, где он необходим, чтобы не полагаться на персональную ответственность глав субъектов РФ и сознательность граждан. Этот законопроект

ожидает второго чтения в Государственной думе.

Также А. Пекшев рассказал, почему нельзя сбрасывать со счетов версию об искусственном происхождении нового коронавируса. По его мнению, в ее пользу говорит необычное сочетание свойств COVID-19: «Патогенный для человека вирус, как правило, не очень контагиозен. Здесь же мы видим сочетание того и другого, – отметил кандидат медицинских наук. – Может ли такая структура образоваться естественным путем? Такого мы в реальности не наблюдали».

Спикер напомнил о совместных исследованиях генома коронавируса, проводимых США и Китаем, результаты которых были получены в 2012 г. В 2015 г. в журнале Nature вышла статья, в которой говорилось, что ученые из Северной Каролины и Уханя скрестили неопасный для человека коронавирус китайской летучей мыши SHC014 с опасным SARS, получив новый опасный для человека вирус.

«После признания о том, что они создали вирус-химеру, финансирование программы по изучению коронавирусного генома прекратилось. Но исследования были продолжены в Китае и прервались только после утечки вируса из лаборатории в Ухане, – рассказал докладчик. – В этом – суть гипотезы искусственного происхождения COVID-19».

А. Пекшев заметил, что если бы ученые из лаборатории в Ухане предоставили информацию о результатах

своих разработок, в споре о происхождении этого вируса можно было бы поставить точку. Он с сожалением отметил, что ученые не успели создать вакцину от SARS в 2002 г., когда эпидемия быстро была купирована: «Если бы она была, модифицировать ее под COVID-19 было бы легче и быстрее».

Руководитель сектора гуманитарных экспертиз и биоэтики Института философии РАН **Ольга Попова** в своем выступлении затронула этические проблемы редактирования генома человека и угрозы, возникающие при бесконтрольном его применении.

Эксперимент китайского генетика Хэ Цзянькуя, в результате которого родились две девочки с измененными геномами, якобы невосприимчивые к ВИЧ, помимо мировой известности, принес ученому трехлетний тюремный срок и штраф. В свою очередь, российский ученый, проректор по научной работе РНИМУ им. Н.И. Пирогова, д.б.н., профессор РАН **Денис Ребриков** заявил о возможности создания детей, свободных от гена глухоты.

«Этика к таким технологиям относится консервативно, – заметила О. Попова. – В 2019 г. в журнале Nature за подписью 18 известных ученых вышла статья, предлагающая ввести 5-летний мораторий на редактирование генома в клинической практике. Мораторий не касается редактирования эмбрионов и генома в соматических клетках человека в тех случаях, когда модифицированная ДНК не наследуется».

По словам спикера, в мире существует немало документов

в правовом и этическом поле, основанных на консенсусе о преждевременности применения технологий редактирования человеческого генома. «Этическая оценка применения технологии CRISPR/Cas9 к эмбрионам крайне негативна, считается неоправданной, нарушающей международные этические стандарты», – отметила О. Попова. Но главное – невозможно в точности предсказать последствия такого редактирования в ряду поколений – носителей измененных генов. В 2015 г. в Страсбурге комитетом по биоэтике Совета Европы было принято заявление о технологиях редактирования генома, обозначившее особую миссию Конвенции Овьедо, которая прямо запрещает вмешательство с целью модификации генома человека, если они могут привести к изменениям генома его потомков. Конвенция не ратифицирована в США и России, а также в некоторых других странах.

Минздрав России обозначил свою позицию по этому вопросу в октябре 2019 г., заявив, что выдача разрешений на редактирование генома человека в клинической практике является преждевременной, так как не изучены возможные осложнения в краткосрочной и долгосрочной перспективе.

О. Попова заострила внимание на угрозе генетического перфекционизма или «домашней евгеники», когда к технологиям геномного редактирования эмбрионов начнут прибегать уже не только в целях предупреждения тяжелых наследственных заболеваний, но ради выбора пола, цвета глаз, повышенных способностей и т. д.

«Парадокс развития современной медицины состоит в углублении ее ориентации не только на воссоздание нормы, но и на проектирование человека – от терапевтической к перфекционистской направленности медицины», – резюмировала философ.

Заведующий кафедрой медицинского права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) **Александр Мохов** предложил рассматривать вопросы обеспечения биобезопасности с позиций теории систем и представил концепцию четырех «БИО»: биобезопасность, биотехнологии, биоэкономика, биополитика. На примере распространения коронавирусной инфекции он показал разрывы в функционировании системы обеспечения биобезопасности.

«Любая технология очень быстро влечет за собой серьезные изменения, в том числе экономические и социальные, – отметил спикер. – Но мало сказать, что допустимы только безопасные технологии, необходимо также создавать экспертизы этих технологий».

Основной удар последствий просчетов биополитики принимает на себя медицина, после чего они рикошетом бьют по экономике. Оптимизация здравоохранения в целях экономии средств в условиях пандемии привела к необходимости введения ограничений, к которым наша страна не прибегала десятки лет: к изоляции, социальным дистанциям, закрытию предприятий. А это нанесло экономический урон, размер которого еще предстоит подсчитать.

